

Ω ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Попов Е. А., Максимова С. Г.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ: ВОПРОСЫ ТРАКТОВКИ КАТЕГОРИИ И ПОСТРОЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению в качестве объекта социологии социальной безопасности, отмечаются сложности применения категории в социальном знании, противоречия ее изучения. Акцент делается на необходимости исследования социальной безопасности в системе отношений «государство-общество-человек-культура» с построением соответствующей концепции социальной безопасности. Обосновывается вывод о недостатках изучения социальной безопасности только как технологии защиты от конкретных угроз. Особо подчеркивается необходимость оценки социальной безопасности сквозь призму ценностно-нормативной системы российского общества. В качестве основного методологического ракурса исследования проблемы социальной безопасности выступают институциональный, антропосоциетальный и аксиологический подходы. Основными выводами проведенного исследования являются следующие положения: 1) трактовка понятия социальной безопасности нуждается в дальнейшем исследовании в рамках социогуманитарного знания; 2) при разработке стратегий исследования социальной безопасности необходимо обращать внимание на ценностно-смысловой вектор порождения факторов коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека, нуждающихся в защите; 3) должна быть построена концепция социальной безопасности.

Ключевые слова: Социальная безопасность, Национальная безопасность, Культура, Ценности и нормы, Безопасность, Угроза, Общество, Понятие социальной безопасности, Концепция социальной безопасности, Общественное развитие.

О социальной безопасности принято говорить и писать в рамках различных социально-гуманитарных дисциплин. Однако постановка вопроса о социальной безопасности как объекте социологической науки, в частности, вызвана тем обстоятельством, что социологи, к примеру, практически не используют данную категорию в предметном анализе. К такому выводу мы пришли, изучив публикации в «Соци-

ологических исследованиях» за последние несколько лет. Разумеется, «отголоски» социальной безопасности встречаются довольно часто в исследованиях, касающихся проблем демографии, миграции населения, жизни государства, жизнедеятельности человека, наконец, и т.д. Имеется, конечно, ряд работ, касающихся проблем изучения социальной безопасности в социологическом ключе [см.: Серебрянников, Хлопьев, 1996; Яновский, 2001; Силласте, 2003], однако в них так или иначе существенной оказывается привязка к центральной категории — национальной безопасности. Как нам кажется, для социологов путь обобщения сложных вопросов общественного развития в таком смысловом пространстве, как социальная безопасность, с одной стороны, уводит их в «онтологизацию», а следовательно, заставляет по сути размышлять о судьбах мира, что в общем-то не совсем дело социологии. С другой же стороны, социологи должны как всегда быть точны в выборе адекватной методологии и методов для исследования социальной безопасности, а если взглянуть на социальную безопасность «с высоты» методического обеспечения, легко растеряться прежде всего перед масштабом явления. Действительно, нужно будет в любом случае начинать с решения вопроса о понимании социальной безопасности не только в отвлеченной трактовке, но и в определенной «социальной», а вернее — в социологической. Одно это потребует от исследователя дополнительных усилий и теоретических изысканий. Если объектом прикладного изучения станет социальная безопасность, то социологам предстоит объять необъятное, поскольку по смыслу социальная безопасность — это и процесс, и результат состояния общества или его развития и трансформации, это и движение вперед, и возврат в прошлое за утраченным межпоколенным опытом, необходимым для устранения угроз любой безопасности — и частной, и коллективной. В условиях такого перевертыша растеряется, пожалуй, каждый. Возможно, конечно, как-то себя ограничить в исследовательской практике и обратить внимание на один из актуальных аспектов в достижении или установлении социальной безопасности, но очевидно, что тог-

да речь пойдет все же о какой-либо «иной» безопасности, скажем, политической, экономической и т.д. Тем не менее возлагать на социолога, да собственно и на всю современную социологию ответственность за невнимание к социальной безопасности как объекту исследования или за использование термина, так сказать, вскользь по ходу рассмотрения различного круга социальных проблем, вряд ли справедливо. Хотя бы на том основании, что в условиях развития науки в наши дни более востребованным стало предметное знание, конкретный результат, способный найти применение в экономике. Конечно, этот вопрос особый и нами здесь не рассматривается, но общая тенденция на этот счет давно себя уже обнаружила. Значит, столь широкая «градация» социальной безопасности если и может быть специально обозначена как «вопрос социологического знания», то все равно должна определить некие приоритеты или акценты, к которым и будет приковано внимание исследователей социологов. Но ведь в этом словосочетании в глаза бросается *социальная* (безопасность); тогда получается, что как бы социологи не избегали обращения к предметному анализу социальной безопасности, именно они, тем не менее, должны этот вопрос поставить на контроль.

В «поиске» социальной безопасности, если она нечасто используется социологами, мы обратились к политологам, подозревая возможный крен при изучении социальной безопасности в политическую сторону, однако и среди публикаций, к примеру, в академическом издании «Полиса» последних трех лет такое сочетание не фигурирует. По-видимому, в этом случае можно было бы вести речь о неустойчивом содержательном наполнении указанной категории, но вместе с тем интуитивно даже на повседневном уровне каждый человек способен дать для себя ответ о том, что он понимает под социальной безопасностью. Состояние защищенности от различных угроз, пожалуй, может быть самым частым из таких ответов. Но скорее всего человек попросту среагирует на слово «безопасность», для него безопасность и есть состояние покоя, комфорта, благополучия, защищенности и т.д., а «социальность» и подразумевает отношение к че-

ловеку. С точки зрения же политологии, как нам кажется, ключевым моментом в понимании социальной безопасности должна стать связка: *социальная политика — социальная безопасность*, и тогда именно в этом направлении должны строиться исследовательские стратегии. Очевидно, что эффективная социальная политика, проводимая государством, на должном уровне обеспечит и социальную безопасность, но для того, чтобы увидеть как это происходит и придать такой закономерности статус кво, необходимо участие науки — и не только политологов, но и социологов также. Вместе с тем в научном обороте более востребованной является категория безопасности. Здесь как раз исследователи не ограничивают себя в искании истины — безопасность в культуре, в духовной и повседневной жизни, в историческом аспекте, в антропосоциетальном и в рамках других подходов предстает как довольно востребованный предмет для изучения. Это объясняется как раз таки напряженной политической ситуацией в мире — страны и национальные культуры получают различные вызовы и должны давать адекватные ответы на них. Такое состояние мира, конечно же, провоцирует политизацию многих процессов и явлений в коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека; политика «объемлет» культуру и духовность, менталитет и национальную идею. Тем неожиданнее на этом фоне отсутствие «реакции» на социальную безопасность. Но если связать обеспечение любой безопасности (и социальной тоже) с деятельностью государства, прежде всего, то возможно именно в этом ракурсе имеются научные заделы для постановки проблемы и ее предметного рассмотрения.

На самом деле, действительно, в журнале «Власть», что довольно симптоматично, нередко появляется термин безопасность и используется в различных дискурсах — «*национальная безопасность*» [Липатов, 2014], «*энергетическая безопасность*» [Хлопов, 2014] и т.д. Симптом участия власти в обеспечении безопасности на различных уровнях свидетельствует о том, что этот вопрос имеет важное государственное значение и решается при помощи направленных мер со стороны орга-

нов власти. Но нетрудно заметить, что это ряд случаев, когда безопасность определяет и суверенитет страны, и ее международный авторитет — здесь речь идет именно о национальной безопасности. Даже если «рассматривать обеспечение безопасности как элемент государственной политики, то личность интегрирована в нее посредством политического участия» [Липатов, 2014: 88]. Место человека в этом процессе — быть законопослушным гражданином и осознавать вред, который способны нанести и стране, и каждому человеку приверженцы экстремизма, терроризма и прочих негативных явлений. В самом деле, проблемы национальной безопасности — это проблемы институционального свойства. В преломлении всех социальных институтов обеспечивается национальная безопасность как состояние защищенности государства. А Конституция России запрещает создание общественных объединений, цели и действия которых направлены на подрыв безопасности государства (статья 13), а кроме того, допускает ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты безопасности государства (статья 55). Как полагают исследователи в связи с этим, «в распоряжении государства находится также мощный аппарат управления и силовые структуры для обеспечения национальной безопасности» [Кучерявый, 2013: 90]. Таким образом, рассматривая национальную безопасность как объект научного исследования, необходимо, прежде всего, давать оценку эффективности и ответственности тех мер, которые предпринимает государство для защиты своих интересов и тем самым обеспечивает национальную безопасность. А вот обратят ли особое внимание исследователи на человека «под прессом» мер, направленных на защиту национальной безопасности, или же станут рассматривать личность как субъекта или объекта национальной безопасности — вопрос открытый, так как во всех этих случаях придется маневрировать в пространстве права и политики. А вместе с тем, «следует также рассматривать проявление гражданской позиции как форму участия личности в обеспечении национальной безопасности...» [Липатов, 2014: 89], иными словами социологу придется взглянуть на чело-

века со стороны «национального интереса», но при этом учитывать одно противоречивое, но довольно значимое обстоятельство: «Менталитет населения таков, что при решении любых проблем считаются наиболее эффективными карательные меры» [Нагимова, 2011: 151]. В случае с обеспечением национальной безопасности подобных мер избежать вряд ли возможно, а потому исследуемая гражданская позиция может стать своего рода когнитивным диссонансом в этом вопросе.

Иное дело — социальная безопасность. По словам В. В. Нагайцева, «понятие «социальная безопасность» в работах многих авторов отождествляется с другими видами безопасности (политической, экономической, духовной и др.). Преобладает рассмотрение социальной безопасности на глобальном, национальном уровне» [Нагайцев, 2013: 78]. Как видим, именно этот дифференциальный подход замечают исследователи и сосредотачиваются на каком-либо одном виде безопасности. Но даже если речь идет, к примеру, о духовной безопасности: «Духовная безопасность как социокультурная ценность в современной России» [Чернова, 2014], то и в этом, и зачастую в других случаях исследователи подчеркивают лишний раз приоритеты национальной безопасности: «Современное состояние российского общества характеризуется множеством различных угроз, что делает актуальным научное осмысление национальных интересов и факторов

национальной безопасности» [там же: 69].

С учетом того, что социальная безопасность как категория, как ценность, как инструмент защиты от угроз или как объект государственной политики не получила широкого распространения в научном дискурсе, для исследователей открываются дополнительные возможности по изучению данного явления. Но, как нам кажется, проведение любых аналогий социальной безопасности с любым иным видом «безопасностей» не может быть продуктивным, если иметь в виду многозначность *социального*. «Подведение» социальной безопасности под духовную, религиозную, экологическую и т.д. не может дать ответа на вопрос о сущности этого явления, с другой стороны, всегда присутствует соблазн

представить социальную безопасность и как часть национальной, и как совокупность других видов «безопасностей».

Действительно, в силу широты трактовки *социального* можно в принципе не ограничивать определения и эпитеты по поводу социальной безопасности. Вариант приведения любого из видов безопасности к знаменателю *социальной*, а значит, некоего унифицирования, вряд ли возможно признать справедливым, поскольку в каждом отдельно взятом случае проявляется своя специфика, не учитывать которую невозможно. Так, например, «чтобы понять специфику духовной безопасности, надо установить, какое место в ряду стратегических национальных интересов занимают духовные интересы и потребности. Ответ на эти вопросы невозможен без уточнения сущности духовности» [Чернова, 2014: 69]. Конечно, можно бы в прояснении специфики социальной безопасности двигаться именно по этому пути, скажем, начать с прояснения сущности *социального*, чтобы дать характеристику социальной безопасности, но на самом деле важнее другое. По-видимому, следует договориться раз и навсегда о том, что любой вид безопасности неотделим от интересов государства и подконтролен ему; не исключение и личная безопасность — государство признает человека высшей ценностью и обеспечивает его защиту (как известно, вторая статья Конституции России специально закрепила эту норму).

В этом смысле нуждается в обсуждении, пожалуй, вопрос о том, в каком аспекте необходимо вести речь о различных видах безопасности, если все равно так или иначе во главу угла возводится безопасность национальная. Тем не менее для того чтобы провести водораздел и выявить специфику того или иного вида безопасности, нужно определить систему координат, в которой реализуются направленные меры по обеспечению безопасности. Если исходить из того, что безопасность — это состояние, актуальное для практически любого субъекта или любой реальности, то такая система координат может быть довольно объемной и даже представлять собой планетарный проект. Между тем, если брать в расчет угрозы, «накопленные» миром и тащися в повседневной жизни, то такая сис-

тема координат должна состоять из четырех обязательных элементов: 1) государство; 2) общество; 3) культура; 4) человек. Для каждого элемента из приведенных опасность или угрозу составляют и крупные проблемы — накопление военной мощи или неизлечимые болезни, и «мелкие», но нисколько не менее значимые, как-то: переоценка ценностей, утрата культурных универсалий и отсутствие замены для них, а в целом «затянувшийся характер негативных социальных процессов привел к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества» [Александровский, 2010: 101]. В системе взаимосвязанных координат *государство-общество-культура-человек* любая угроза и любой конфликт сразу затрагивают и передаются от одного элемента другому. Вообще для любого вида безопасности прежде всего значение имеет именно конфликт — конфликт интересов, конфликт ценностей, конфликт «политик» и т.д. По сути, меры, направленные на обеспечение безопасности, представляют собой способы преодоления конфликтов таких состояний мира или возникающих при стечении таких обстоятельств, когда нарушаются устойчивые ценностно-нормативные связи, лежащие в основе традиций, обычаев, общественных отношений. Это характерно, например, для духовной безопасности, когда необходимо разрешить конфликт ценностей, вызванный и эпохой (меняющийся в исторической перспективе мир провоцирует появление новых ценностей, не всегда адекватно принимаемых государством и обществом), и социальной реальностью — вмешательством в традиции и устои. Таким образом, духовная безопасность непосредственно «распространяется» в системе отношений *культура-человек* не только потому, что духовность — это феномен личностного порядка, «человекоцентричный», но и онтологический, открывающий культуру в мир человека. Другое дело — социальная безопасность, когда в системе координат «государство-общество-культура-человек» в конфликте друг с другом пребывают сами элементы этой системы, а это уже совершенно иная, так сказать, «парадигма».

Государство и социальная безопасность. Как известно, важнейшей конституционной характеристикой современной России является постулирование социального государства. Очевидно, что достижение такого состояния государства как *социальное*, предполагает решение ряда вопросов, направленных на обеспечение социальной безопасности. В юридическом плане до сих пор нет ясности со статусом категорий достойная жизнь и свободное развитие человека, которые в соответствии с Конституцией России (статья 7) стали неотъемлемыми чертами социального государства. Но в рамках современной социологии предпринимаются исследования, способные прояснить «социальный» смысл этих категорий. Именно в практике социологов, занимающихся изучением проблем, к примеру, бедности и благополучия, старения населения и роста рождаемости, возникают различные коннотации ключевых для социального государства категорий. Разумеется, дать точный ответ на вопрос о содержании указанных категорий не возьмется, пожалуй, ни один исследователь, однако представить обобщенную оценку мнений граждан о своем собственном свободном развитии и способах обретения достойной жизни вполне по силам социологам. Но в этой связи невозможно не заметить исследовательский крен не в сторону «онтологизации» проблем развития человека (а это позволило бы построить адекватные «модели» и достойной жизни, и свободного развития человека), а в «центр угроз». Устойчивая тенденция при изучении любого вида и различных состояний безопасности начинать с описания реестра возможных угроз и затем переходить к характеристике мер по обеспечению безопасности, как нам кажется, не дает полного представления о роли культурных универсалий и учета особенностей менталитета в разработке и внедрении эффективных мер, обеспечивающих социальную безопасность в государстве. Подобная ситуация, например, обнаруживает себя в сборнике статей «Современные угрозы социальной безопасности населения региона» [Современные угрозы..., 2013], где социологи идут по пути обнаружения многочисленных угроз для человека, общества, государства, затем перекидывают

мостики к порождаемым этими угрозами рискам и, наконец, пытаются проанализировать конфликты, возникающие в «рискованных зонах» общественных отношений. Под гриф угроз социальной безопасности попадают отказ от детей, социальный протест, проституция, подростковый суицид и т.д. Разумеется, этот список (или реестр) можно продолжать довольно долго, в нем, по сути, — человек перед лицом государства и государство, предлагающее инструменты для достижения безопасности, вопрос лишь в том — в этой ситуации государство спасает человека или заботится о сохранении своей мощи?

К слову сказать, и само государство отталкивается в этих вопросах не «от культуры», а от своих собственных интересов, в том числе связанных и с объективными показателями — климатом, протяженностью территории и удаленностью отдельных ее частей, сосредоточенностью трудовых ресурсов и т.д. Основной тезис размышлений социологов относительно социальной безопасности может выглядеть следующим образом: угрозы порождают риски, риски способствуют возникновению конфликта интересов и в конечном итоге как адекватный ответ предлагаются способы защиты от конфликтов. На этом основании социальная безопасность понимается как «защищенность социальной сферы общества от угроз, способных разрушить ее или обусловить ее деградацию» [Современные угрозы..., 2013: 7]. Угрозы могут быть представлены в форме конкретных действий со стороны, например, общества или человека по отношению к государству, но также могут быть по своей сути онтологичными, апеллирующими к мировоззрению, ментальности, патристичности, гражданственности и т.д. И в этом случае социолог должен не упустить из виду тот факт, что социальная безопасность — это способ защиты, прежде всего, социального государства, которое возникает «в процессе становления социально-ориентированных ценностей и трудовой мотивации деятельности в интересах большинства членов общества и устойчивого развития цивилизации на планете (автор цитаты выделил ее курсивом. — Е. П.)» [Левашов, 2014: 36]. Конечно, исследователю в этом вопросе до планетарного уровня, воз-

можно, нет смысла двигаться, но вот обратить внимание на социально-ориентированные ценности явно необходимо; от того, как они устойчивы в обществе и какое влияние оказывают на «оздоровление» социальной сферы, зависит и состояние социального государства в целом, и предлагаемые способы обеспечения социальной безопасности. И все же переключка «социальное государство» — «социальная безопасность» нуждается, по нашему мнению, в дополнительной исследовательской рефлексии, поскольку социальная безопасность — это необходимое условие развития любого типа и состояния государства; в этом смысле соотносить данный вид безопасности только с социальным государством не совсем оправданно.

Общество и социальная безопасность. С усложнением общественных отношений в начале текущего столетия принципиально изменяется и характер угроз миру и человеку, а следовательно, возникает острая необходимость по-иному, с большей эффективностью и действенностью подходить к решению проблем обеспечения безопасности. Конечно, можно было бы, к примеру, остановиться на тезисе о том, что определенный тип общества предполагает и направленность мер на обеспечение безопасности именно такого типа общества — тогда потребительское общество нуждается в мерах по сохранению безопасности потребления, информационное общество в информационной безопасности и т.д. Или другой момент — достижение состояния гражданского общества может снять ряд потенциально опасных для государства, общества и человека угроз, поскольку «саморегулируемые» отношения внутри такого типа общества, базирующиеся на традиционных ценностях и нормах, будут направлены, в том числе, и на гармонизацию индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека. Оба этих примера показательны: в первом случае социальная безопасность «теряется» в течении эпох и стилей жизни, а значит, и обществ с доминирующим набором ценностей и норм, и по сути, отодвигается на вторые роли. А в другом случае речь идет об идеальной модели устройства общественных отношений, которая не способна в полной

мере «охватить» повседневную жизнь людей и обеспечить на должном уровне социальную безопасность. Тогда, по-видимому, резонно провести параллель между тем, что является основной угрозой для современного общества и тем инструментом, эффект от применения которого будет достаточным в ответе на угрожающие факторы.

Социологи, да и не только они — также представители других социогуманитарных наук, основную угрозу видят в *кризисе* как таковом; наверное, еще несколько лет назад, любой кризис нужно было привязывать к какому-либо социальному явлению, и в науке в качестве объектов исследования фигурировали самые различные кризисы и кризисные состояния — кризис культуры, политический кризис и др. Теперь правильнее или точнее говорить о кризисе в самом широком смысле этого слова, ведь в этом противоречивом, но почти всегда с негативным оттенком, состоянии находится любая сфера жизни человека и общества. Но этот кризис, как нам кажется, можно обозначить и как *социальный*. Вместе с тем, само понятие кризиса — это своего рода общая характеристика некоего состояния мира, общества, чего угодно, которая лишь протоколирует растерянность исследователя перед объектом своего изучения: проще всего нащупать именно кризис, отклонение от нормы, дисфункцию и сложнее увидеть за этими изменениями тенденцию к улучшению или к положительному развитию. Но в современной науке никак не проходит, по меткому выражению А. Б. Гофмана, «мода на провозглашение или предсказание упадка, конца или смерти чего-либо: социальных явлений, институтов или процессов» [Гофман, 2013: 24].

Социальная безопасность в условиях кризиса — это безопасность общества, но не в отдельности от государства, а вместе с ним. При этом чем надежнее выглядят отношения общества и государства, тем более достижимым становится состояние социальной безопасности. «Поскольку социальный мир и общественное согласие, — как отмечает С. О. Малевинский, — выступают в качестве важнейших условий безопасности и личного благополучия каждого отдельно взятого человеческого индивида, они, безусловно, соответ-

ствуют кардинальным жизненным интересам большинства людей и именно поэтому могут мыслиться как факторы, обуславливающие существование различных, в том числе и моральных, поведенческих норм» [Малевинский, 2011: 89]. Пожалуй, вопрос о соотношении моральных норм и концепций обеспечения безопасности на любом из уровней государства или общества — самый противоречивый и болезненный. Действительно, никакое из общественных отношений не должно нанести какой-либо вред или урон государству, но государство, обладая мощным аппаратом принуждения, способно обеспечить безопасность любыми способами. Бывает трудно понять, насколько государство идет навстречу обществу в приобретении им «статуса» гражданского и должно ли оно вообще вмешиваться в эти вопросы, однако как только речь заходит о необходимости обеспечения безопасности, любые меры (и даже, возможно, предпринимаемые в обход моральных норм) государством будут использованы. Для социологов имеет значение понять инструменты согласования взаимных интересов общества и государства в деле по обеспечению социальной безопасности; нельзя обществу приписывать только «вызовы» для государства (например, протестные настроения или экстремистские выпады), а государство представлять как ответчика на эти вызовы и выпад.

Человек, культура и социальная безопасность. Социальная безопасность — и для общества, и для человека. Культура выступает как связующее звено между ними. Конфликты, возникающие в ценностно-нормативной системе общества, вовлекают в себя и государство, и человека. Таких конфликтов очень много, они проявляются в переоценке ценностей, в трансформации культурных универсалий, подмене традиционных ценностей и т.д. С одной стороны, очень часто эти процессы имеют под собой объективные основания — так, к примеру, извечный конфликт отцов и детей порожден несовпадением ценностных ориентаций в определенный исторический период. Но в том случае, когда в ценностно-нормативную систему вмешиваются субъективные процессы, тогда создается, пожалуй, главная угроза обществу — «деконсолидация»

общества. Если ценности и нормы по своей сути действуют как интеграторы социума, то происходящие с ними дисфункциональные изменения способны привести к утрате прочных социальных и культурных связей между государством, обществом и человеком. Государство станет принимать надуманные, не подкрепленные ценностно-нормативными традициями законы, сопротивление со стороны общества возрастет, а уровень жизни людей заметно упадет. Тогда, по-видимому, меры по обеспечению социальной безопасности должны быть направлены, прежде всего, не на противодействие конкретным угрозам со стороны каких-либо субъектов, а на сохранение равновесия в системе традиционных и инновационных норм и ценностей. Но это вопрос концептуального масштаба, здесь должна быть и своя продуманная теория, и свой спектр эффективных действий. И кроме того, концепция социальной безопасности — это своего рода отголосок национальной идеи, она должна включать в себя следующие «разделы»: 1) актуальные проблемы общественного развития и общественных отношений (в этом разделе особо следует подчеркнуть,

что речь идет не об угрозах обществу или государству как таковым, а именно о насущных проблемах, которые не совпадают с понятием угрозы, но также требуют к себе повышенного внимания); 2) антропосоциетальный базис развития общества (включает самый широкий набор показателей «плохого» и «хорошего» бытования человека в социуме — состояние здоровья, возраст, место жительства, семейное положение и т.д., а кроме того, — социальное самочувствие, социальное благополучие и др.); 3) социокультурная ситуация (учитывающая отклонения национальной культуры в сторону европеизации, глобализации или способствующая сохранению традиционных ценностей и норм). В целом эти условные, но охватывающие важнейшие стороны индивидуального и коллективного человеческого бытия разделы позволят совершенствовать политику в сфере социальной безопасности и сформировать представление о социальной безопасности не только как о технологиях защиты населения от угроз социального масштаба, но и как концепции человеко- и культуроцентричного развития современного общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России / под общ. ред. Иванова В. Н., Яновского Р. Г. М.: ИСПИ РАН, 1996.
2. Яновский Р. Г. Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь ее народов. М.: Книга и бизнес, 2001.
3. Силласте Г. Г. Новая наркоситуация в России: угроза безопасности общества и личности. М.: Международная ассоциация по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, 2003.
4. Липатов О. А. Участие личности в обеспечении национальной безопасности как научная проблема // Власть. 2014. № 10. С. 87–90.
5. Хлопов О. А. Особенности влияния ОПЕК на международную энергетическую безопасность // Власть. 2014. № 10. С. 79–83.
6. Кучерявый М. М. Глобальное информационное общество и проблемы безопасности // Власть. 2013. № 9. С. 89–92.
7. Нагимова А. М. Экологическая безопасность населения региона // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 146–151.
8. Нагайцев В. В. Новые угрозы социальной безопасности населения современного российского региона // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: Сб. статей. Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013.
9. Чернова И. Б. Духовная безопасность как социокультурная ценность в современной России // Власть. 2014. № 6. С. 68–73.
10. Александровский Ю. А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 99–104.

11. Современные угрозы социальной безопасности населения региона: Сб. статей / под ред. О. Н. Колесниковой, В. В. Нагайцева. Барнаул: Азбука, 2013.
12. Левашов В. К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 32–46.
13. Гофман А. Б. О модах в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 21–28.
14. Малевинский С. О. Две морали: о двойственной природе моральных норм // Обсерватория культуры. 2011. № 4. С. 88–91.
15. Камиллов М. А. Определение общественной безопасности в соответствии с новой Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации. // Административное и муниципальное право. — 2014. — 8. — С. 775–778. DOI: 10.7256/1999–2807.2014.8.12403.
16. Гунич С. В. Конституционно-правовые аспекты механизма обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. — 2014. — 4. — С. 517–524. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.4.10672.
17. Т. В. Владимирова Безопасность общества как устойчивость социального порядка в условиях возрастания девиации // Национальная безопасность / nota bene. — 2013. — 1. — С. 12–19. DOI: 10.7256/2073–8560.2013.01.2.
18. Шульц В. Л., Кульба В. В., Шелков А. Б., Чернов И. В. Диагностика и сценарный анализ внешних угроз региональной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. — 2014. — 5. — С. 626–664. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.5.13061.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Serebryannikov V., Khlop'ev A. Sotsial'naya bezopasnost» Rossii / pod obshch. red. Ivanova V. N., Yanovskogo R. G. M.: ISPI RAN, 1996.
2. Yanovskii R. G. Sotsial'naya dinamika gumanitarnykh peremen: Sotsiologiya Shansa dlya Rossii na dostoinuyu i bezopasnuyu zhizn» ee narodov. M.: Kniga i biznes, 2001.
3. Sillaste G. G. Novaya narkosituatsiya v Rossii: ugroza bezopasnosti obshchestva i lichnosti. M.: Mezhdunarodnaya assotsiatsiya po bor'be s narkomaniei i narkobiznesom, 2003.
4. Lipatov O. A. Uchastie lichnosti v obespechenii natsional'noi bezopasnosti kak nauchnaya problema // Vlast». 2014. № 10. S. 87–90.
5. Khlopov O. A. Osobennosti vliyaniya OPEK na mezhdunarodnuyu energeticheskuyu bezopasnost» // Vlast». 2014. № 10. S. 79–83.
6. Kucheryavyi M. M. Global'noe informatsionnoe obshchestvo i problemy bezopasnosti // Vlast». 2013. № 9. S. 89–92.
7. Nagimova A. M. Ekologicheskaya bezopasnost» naseleniya regiona // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2011. № 1. S. 146–151.
8. Nagaitsev V. V. Novye ugrozy sotsial'noi bezopasnosti naseleniya sovremennogo rossiiskogo regiona // Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo: Sb. statei. Vyp. 5 / pod red. O. N. Kolesnikovoi, E. A. Popova. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gos. un-ta, 2013.
9. Chernova I. B. Dukhovnaya bezopasnost» kak sotsiokul'turnaya tsennost» v sovremennoi Rossii // Vlast». 2014. № 6. S. 68–73.
10. Aleksandrovskii Yu. A. Sotsial'nye kataklizmy i psikhicheskoe zdorov'e // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 4. S. 99–104.
11. Sovremennye ugrozy sotsial'noi bezopasnosti naseleniya regiona: Sb. statei / pod red. O. N. Kolesnikovoi, V. V. Nagaitseva. Barnaul: Azбука, 2013.
12. Levashov V. K. Sotsial'noe gosudarstvo: istoricheskii genезis i dinamika stanovleniya v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 7. S. 32–46.
13. Gofman A. B. O modakh v sovremennoi teoreticheskoi sotsiologii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 10. S. 21–28.

14. Malevinskii S. O. Dve morali: o dvoistvennoi prirode moral'nykh norm // *Observatoriya kul'tury*. 2011. № 4. S. 88–91.
15. Kamilov M. A. Opredelenie obshchestvennoi bezopasnosti v sootvetstvii s novoi Kontseptsiei obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii. // *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. — 2014. — 8. — С. 775–778. DOI: 10.7256/1999–2807.2014.8.12403.
16. Gunich S. V. Konstitutsionno-pravovye aspekty mekhanizma obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // *Natsional'naya bezopasnost» / nota bene*. — 2014. — 4. — С. 517–524. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.4.10672.
17. T.V. Vladimirova *Bezopasnost» obshchestva kak ustoichivost» sotsial'nogo poryadka v usloviyakh vozrastaniya deviatsii* // *Natsional'naya bezopasnost» / nota bene*. — 2013. — 1. — С. 12–19. DOI: 10.7256/2073–8560.2013.01.2.
18. Shul'ts V.L., Kul'ba V.V., Shelkov A. B., Chernov I. V. Diagnostika i stsenarnyi analiz vneshnikh ugroz regional'noi bezopasnosti // *Natsional'naya bezopasnost» / nota bene*. — 2014. — 5. — С. 626–664. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.5.13061.